

Сравнительный анализ экономических реформ в России и странах Балтии

Р.Х. СИМОНЯН

В январе 1992 г. в России начались экономические реформы. Тогда же их стали осуществлять и в республиках Прибалтики, которые уже четыре месяца были самостоятельными государствами. С тех пор прошло 15 лет – для стремительно развивающихся общественных процессов в современном мире срок вполне достаточный, чтобы в полной мере оценить результаты этих реформ. Если исходить из того, что Россия европейская страна, то сравнивать ее достижения логично не с достижениями за этот период, скажем, Грузии или Узбекистана, а с достижениями стран Балтии. Кроме того, уважение к собственному государству заставляет его успехи сравнивать с лучшими образцами. Что же касается большего срока советской власти в России – 70 лет, чем в республиках Прибалтики – 50 лет, то следует напомнить: как для математиков, так и для историков 50 и 70 – однопорядковые величины, в них нет качественных различий. Да и население двух из этих республик – Эстонии и Латвии к 1991 г. соответственно на 40% и 50% состояло из тех же россиян. Поэтому компаративный анализ итогов преобразований у них и у нас представляется и правомерным, и продуктивным, чему и посвящена предлагаемая статья.

После распада СССР вновь образованные государства начали свою политическую практику с определения фактического состояния отношений с Россией. Это был самый насущный и приоритетный вопрос, а для ряда стран (Украина, Грузия, Белоруссия, Армения, Таджикистан) и вопрос выживаемости. Россия как самая большая и самая богатая, как правопреемница СССР, как, наконец, тогда еще равный партнер США, имела самый высокий статус среди других постсоветских государств. Да и среди участников одержавшего над тоталитаризмом победу демократического сообщества россияне занимали ведущие позиции. Именно в России были сосредоточены наиболее яркие и признанные лидеры демократических преобразований. На Россию ее соседи смотрели тогда с огромным уважением и надеждой. Ее потенциал и международный авторитет в тот исторический момент предоставляли ей по существу беспроблемный шанс стать экономическим и организационным стержнем нового регионального образования на евразийском континенте.

Таков был имидж России в начале 1990-х годов, когда в ней начались процессы общественной модернизации, которые определялись как развитие четырех базовых институтов современного общества – состязательная демократия, рыночная экономика, социальное государство, массовое потребление. Цель, стоявшая тогда перед Россией, была точно такая, как и перед странами Балтии. И она была воспринята населением и России, и стран Балтии как попытка пост-социалистических обществ сравняться в развитии этих базовых институтов с западными странами.

Реформы в России и странах Балтии начались практически одновременно, с января 1992 г. В странах Балтии был накоплен большой инновационный потенциал. Этот регион был в советские времена своеобразной лабораторией по совершенствованию хозяйственного механизма, что являлось несомненным преимуществом. Впрочем, у прибалтийских республик были и другие преимущества – выгодное географическое положение, близость Европы, а также многочисленные и хорошо оборудованные морские порты.

А какие преимущества были у России?

Республики Прибалтики, безусловно, никак не могли равняться с тем масштабом и качеством научно-технического кадрового потенциала, которым располагала Россия, с ее интеллектуальным и творческим ресурсом (что в современном мире является основным капиталом для развития страны), наукоемким производством, применяющим новейшую технологию, по многим параметрам которой она занимала лидерские позиции в мире. В России находились и лучшие учебные заведения страны, готовящие специалистов, которые и сегодня во многих областях, являясь, по общему признанию, наиболее востребованными на международном рынке труда. Россию с ее природными сокровищами – газ, нефть, уголь, золото, алмазы, железо, медь, никель, алюминий, древесина, черноземы, дальневосточные морепродукты и многое-многое другое – даже неловко сравнивать со странами Балтии, недра которых не содержали практически ничего, кроме небольшого месторождения сланцев на северо-востоке Эстонии. Поэтому этим странам нечего было предложить мировому рынку.

Таков был баланс ресурсов стран Балтии и России накануне экономических реформ. На тему о том, чьи преимущества весомее, периодически возникают дискуссии, хотя, на наш взгляд, ответ очевиден. Но даже если согласиться с явной недооценкой возможностей России для экономического рывка, которая была широко распространена среди части российских экономистов в 1990-х годах, то тогда можно допустить, что решающих преимуществ не было ни у кого.

Таким образом, если в канун кардинальных общественных перемен перед Россией и ее прибалтийскими соседями, находившимися в равных стартовых условиях, стояли одинаковые цели, то далее начинаются резкие различия. И прежде всего в темпах и методах приватизации.

В рамках трансформации социально-экономической системы приватизация экономики оказалась важнейшим инструментом реформирования отношений собственности, хозяйственного механизма, социальной структуры общества. По существу она явилась материальной основой в формировании новых общественных отношений, включая весь их спектр – политические, экономические, социальные и этические.

О том, как проходила приватизация в странах Балтии, написано много книг. Они опубликованы как в самих этих странах, так и во многих странах Запада. В России публикаций на эту тему по причинам, которые будут рассмотрены ниже, до недавнего времени не было, поэтому стоит остановиться на ее рассмотрении.

В первые месяцы независимости страны Балтии представляли собой индустриально-аграрные государства со слабо развитой (по сравнению с Западом) сферой услуг и тотальным дефицитом в торговле. Используемый в качестве валюты советский рубль стремительно обесценивался, хронически не хватало наличности. Экономика была ориентирована на восточный рынок. Кризис, в котором находились все части распавшегося СССР, был в странах Балтии таким же глубоким, как и в России, поэтому пользы от такой ориентации было немного. Ряд предприятий стран Балтии из-за хронической неоплаты поставок постепенно приближались к краху. При этом и собственного капитала в странах Балтии было немного. Даже крайне выгодная перепродажа российских цветных металлов в начале 1990-х годов не позволила здесь деловому миру заработать столько денег, чтобы выкупить продаваемое государством имущество, хотя цены на основную массу объектов были не слишком высокими. Так как в модернизацию большинства приватизируемых объектов нужно было вложить огромные средства, а, как уже отмечалось, продавать на мировом рынке было нечего, то обратились к иностранному капиталу. Первыми поднялись те секторы хозяйства, для модернизации которых требовалось меньше капиталовложений. Это были легкая и пищевая промышленность, деревообработка. В привлечении внешних инвестиций особенно преуспели эстонцы, чему способствовала отмена почти всех пошлин и снижение налогов с компаний и частных лиц, а также введение плоской шкалы подоходного налога в 26%, который затем снизили до 20%. Аккумулированная сумма прямых иностранных инвестиций в этот регион за период с 1992 г. по июль 2001 г. составила почти 7,5 млрд долларов, из которых на долю Эстонии приходилось 36,7%, Литвы 34,2%, Латвии – 29,1%. Если объем зарубежных инвестиций отнести на среднелюдное значение, то здесь преимущество Эстонии было выражено еще более отчетливо – 1946 долл., Латвия – 884 долл., Литва – 683 долл. Для стабилизации своей экономики после падения рубля все три страны выбрали монетарный режим, основанный, в отличие от России, на фиксированном обменном курсе. Это обеспечивало инвесторов и других действующих лиц столь необходимой возможностью прогнозировать – если, разумеется, фиксированный обменный курс заслуживает доверия. Благодаря тому что страны Балтии приняли один из самых жестких обменных курсов, доверию ничего не угрожало.

Основными странами-инвесторами стали Финляндия, Швеция, США, Германия. Иностранцы вкладывали деньги не только в финансы и торговлю, но и в промышленность. Так, финская компания Elcoted купила одно из самых крупных предприятий Эстонии – завод по производству электронных приборов «Punane RET», где теперь три с половиной тысячи человек делают телефоны «Nokia» и «Ericsson». Иностранные инвесторы и местные программисты создали систему Интернет-телефонии Skipe. Интернет так широко распространился в республике, что ее стали называть E-stonia.

В Эстонии с самого начала была обеспечена наиболее строгая в Балтии государственная политика приватизации. Нормативная база банкротства предприятий была бескомпромиссной, а законы о банкротстве неукоснительно соблюдались. В отличие от соседей здесь почти не было случаев государственной помощи предприятиям, оказавшимся на грани банкротства, путем выкупа неликвидного имущества, списывания долгов или предоставления кредита, как это было в Латвии и особенно в Литве, где была разработана специальная программа оказания поддержки экспортирующим предприятиям. Это ускорило процесс разгосударствления, так как предприятия были поставлены в условия жесткого бинарного выбора между приватизацией и ликвидацией. Перспектива ликвидации, в свою очередь, оказывалась сильным мотивом для привлечения стратегического партнера. Выигрывали тендеры те покупатели, которые смогли привлечь наибольшие средства для реконструкции и развития предприятий, обеспечить эффективное управление. При этом государством контролировалось выполнение условий по социальной защите персонала (в том числе финансирование переквалификации кадров, соблюдение достаточно высоких нормативов выходных пособий при увольнении и пр.). Низкорентабельные предприятия были реализованы по невысоким ценам, но с жестким условием быстрых последующих инвестиций на модернизацию и реконструкцию производства.

Приватизация в Латвии во многом напоминает эстонскую модель, но при более медленном темпе. Здесь чаще использовался индивидуальный подход, допускались отступления от принятой программы. Правда, и промышленные предприятия в Латвии были крупнее, чем в Эстонии, что заставляло в большей мере учитывать социальные аспекты. Но социальное напряжение в Латвии было заметнее, так как, с одной стороны, была больше доля оставшихся без работы, а с другой – меньше денег для финансирования социальных программ. Поэтому только в 1994 г. было создано Латвийское приватизационное агентство, которому понадобилось два года, чтобы сформировать ваучерный рынок. При населении в 2,4 млн человек все государственное имущество республики, включая землю, леса и инфраструктуру, было оценено в 3 млрд латов (примерно 6 млрд долл.) и на эту сумму были выданы индивидуальные сертификаты. К весне 1996 г. 97% населения республики получили именные приватизационные чеки. В конце 1999 г. доля частной собственности в народном хозяйстве Латвии превысила 70%. В отличие от Эстонии в процессе приватизации латвийских предприятий иностранный капитал не был так широко представлен. Если в Эстонии свыше половины предприятий принадлежат иностранцам, то в Латвии положение иное. Лишь 28% всего основного капитала отечественных предприятий принадлежат иностранцам. Нерезиденты предпочитают вкладывать средства в такие отрасли, как транспорт и связь, перерабатывающая промышленность, строительство, пищевая промышленность.

Наиболее интересно процесс приватизации проходил в Литве. В этой республике процесс приватизации был самым медленным и последовательным, переходя от одной стадии к другой. На первом этапе полностью отдали рынку все то, что непосредственно работало на массового потребителя, что реально зависело от потребительского спроса, т. е. сферу торговли. Затем то, что работало на

тех, кто работает на потребителя и т. д. Стадийность диктовалась уже тем, что эффект рыночных зависимостей распространяется волнами, с определенным лагом между ними. То, что торговец почувствует немедленно, до пищевой или легкой промышленности дойдет через квартал, а для тех, кто делает оборудование для этих отраслей, – через год-полтора. И так далее по цепочке. Реализация такого подхода, естественно, требовала существенно большего времени.

Но основное отличие Литвы от Эстонии и Латвии состояло в том, что здесь не было прямого использования процедуры банкротства, а основной акцент сделан на усилия по реструктуризации государственных предприятий до начала приватизации. Специфика Литвы заключается в том, что начальный этап приватизации давал возможность персоналу покупать относительно дорогие средние, а иногда и крупные по размеру предприятия за персональные приватизационные чеки. Эти чеки были индивидуальными, и не предназначались для свободного обращения, что исключало проведение так называемых ваучерных аукционов – главного рычага приватизации «по-российски». Поэтому почти 75% членов коллектива промышленных предприятий имеют свою долю собственности этих предприятий. Это отличает Литву от ее соседей – в Латвии лишь третья часть, а в Эстонии менее четверти служащих владеют долями приватизированных предприятий. Таким образом, литовская модель приватизации оказалась наиболее социально ориентированной. В декабре 1991 г. был создан специальный государственный инвестиционный фонд и была увеличена доля акций, продаваемых членам коллектива на льготных условиях. Первый этап приватизации в Литве, названный ваучерным, продолжался до 1996 г. и осуществлялся в основном за приватизационные чеки. Он давал возможность аккумулировать на специально открытых в литовских банках 2,6 млн индивидуальных инвестиционных счетах 2,6 млрд долл. В этот период приобретались прежде всего жилые помещения, находящиеся в собственности у государства, а также акции предприятий, на которых работали лица, получившие ваучеры. Таким образом, население получило возможность реального участия в процессе разгосударствления собственности. Результатом стала передача в частные руки абсолютного большинства площадей квартирного фонда, большей части предприятий промышленности и сельского хозяйства. Это обеспечивало Литве формирование широкого слоя собственников, что в меньшей степени удалось ее соседям – Латвии и Эстонии, и не удалось в России.

То обстоятельство, что во всех трех республиках с течением времени постепенно увеличивается число служащих, не владеющих долей собственности, иллюстрирует естественную тенденцию концентрации капитала. Но этот процесс происходит в цивилизованной форме, когда большинство населения не отчуждается от раздела государственной собственности, а активно в нем участвует. Социальный эффект цивилизованно осуществленной приватизации заключается в том, что акционер решает сам, что ему выгоднее – оставаться собственником или продать свои акции.

Приватизационные процессы в государствах Балтии проходили медленно, с соблюдением индивидуального подхода к формам и срокам, исходя из получения реального экономического эффекта, без свободно обращающихся ваучеров,

в состязании на открытых аукционах, с соблюдением правил честной конкуренции, что, естественно, требовало существенных временных затрат. На это ушло от 7 до 10 лет, что объясняется также их прозрачностью и реально осуществляемым общественным контролем в виде эффективной системы обратных связей. Так как при продаже крупных объектов использовался, как правило, публичный конкурс (тендер), то общественность стран Балтии имела возможность постоянно отслеживать все этапы и детали прохождения этой сложной и достаточно длительной процедуры. Приватизация вызывала широкий общенародный интерес, ее проблемы находились в центре внимания общественности и заинтересованно обсуждались на всех этапах социальной иерархии. СМИ здесь уделяли данной проблематике самое пристальное внимание, а отдельные публикации заставляли правительство корректировать или даже приостанавливать ход продаж. Так, в Литве осенью 2000 г. острые дискуссии в медиа каналах вынудили президента В. Адамкуса выступить с инициативой о передаче прав утверждения наиболее крупных приватизационных объектов от правительства к сейму. В Эстонии попытка бывшего премьер-министра И. Тооме использовать свои связи и купить по протекционистской цене таллиннскую гостиницу «Виру» вызвала немедленную реакцию в прессе, и сделка была аннулирована. Вмешательство эстонских журналистов вызвало громкий общественный скандал в процессе приватизации Нарвских электростанций, осенью 2001 г. состоялся многолюдный митинг на Тоомпеа, подкрепленный сбором 145 тыс. подписей протеста, в результате чего она так и не состоялась. В Латвии неоднократно предпринимались попытки протекционировать приватизацию высокорентабельных государственных предприятий, в том числе такие, как «Латвэнерго» (аналог российской РАО ЕС), государственная телефонная сеть «Латтелеком». Но реакция латвийских массмедиа, поднимающих общественную волну протеста, не позволяла правительственным чиновникам осуществить выгодные для отдельной группы лиц, но не выгодные для государства сделки. Так же как и решение продать фирму «Вентспилс Нафта» не за приватизационные чеки, как предполагалось, а за «живые деньги» во многом предопределило поражение партии «Латвияс Цельш» на парламентских выборах 2001 г. Правящая с момента получения независимости политическая партия после этого вообще не была представлена в сейме.

В странах Балтии результаты приватизации, связанные с нарушениями или экономически невыгодные государству, как, например, литовский «Мажейкяй нафта», проданный правительством консерваторов в 1998 г. американской компании «Вильямс», были пересмотрены. Подобный механизм социального контроля за деятельностью власти есть важнейший элемент демократического государства. Эффективный общественный контроль за проведением приватизации свел к минимуму бюджетные потери и обеспечил высокую экономическую эффективность приватизационного процесса в государствах Балтии. Это обеспечило включение социальной энергии активной части населения в экономическое развитие этих стран. В России этот ресурс не был использован, так как население было полностью отстранено от этого процесса. Следует отметить, что в начальный момент проведения реформ тезис о героике первого либерального правительства новой России казался убедительным для значительной части

российского общества, и прежде всего для интеллигенции¹. Ожидания давно назревших кардинальных перемен были настолько велики, что даже изъятие денежных сбережений населения России, произошедшее в результате отпуска цен в 1992 г., не вызвало в обществе серьезного протеста. Хотя начинать либеральные реформы с грабежа собственного народа (а ведь вклады – это важный элемент частной собственности) – действие очень далекое от либеральных ценностей. Обещанное участие в распределении общенародной собственности, формирование массового слоя среднего собственника, широко декларируемое российскими реформаторами, погасило протестную волну. Общественность даже не стала акцентировать свое внимание на настойчиво повторяющемся утверждении, что рубль не имеет материального эквивалента, в стране «товарный голод», хотя тотчас же после отпуска цен на потребительском рынке во всех регионах России появилось огромное количество товаров. В надеждах на реформы растворился и этот обман.

Среди экономистов весьма популярно сравнение экономических нормативов с биологическими. В частности, при оценке продолжительности проведения экономических реформ и ожидаемого от них эффекта в различных по величине странах ссылаются на то, сколько времени вынашивают потомство различные по размеру животные – от нескольких недель у кошки, девяти месяцев у человека и почти до двух лет у слона. Сравнение приватизационных процессов в России и странах Балтии полностью опровергает эту естественную закономерность. Крошечная по сравнению с Россией, Эстония потратила на приватизацию большинства предприятий, включая и наиболее крупные, около семи лет, Латвия – восемь, Литва – десять, а Россия – всего три года.

В России реформаторы поставили своей целью провести приватизацию в максимально короткие сроки. Сами они не без кокетства называли свои реформы «пожарными», а себя сочувственно «камикадзе», определив, таким образом, в массовом сознании россиян свою роль как жертв, осуществляющих высокую, на грани подвига, общественно необходимую функцию.

Куда они так торопились?

«Первоначально, – напишет в конце 1994 г. тогдашний глава правительства Е. Гайдар, – законодательством о приватизации введение наличного платежного средства – приватизационного чека – не предусматривалось. Предполагалось открыть систему именных приватизационных счетов и вести операции с этими счетами» [Гайдар 1995, с. 161]. То есть по существу предполагалось сделать то, что было сделано в Польше, Венгрии, а затем и в странах Балтии.

Почему же российские реформаторы не стали этого делать?

«Потеря темпа, – объясняет далее Е. Гайдар, – была бы непозволительной роскошью... Альтернатива была предельно простая. Либо мы начнем эту техническую работу [по открытию именных счетов. – Р. С.] и упустим короткий

¹ Н.И. Щербинина справедливо замечает по этому поводу, что «советская культура продемонстрировала в этом эпизоде ритуал «перемены статуса», когда «коммуникаторные лишения» верхов воплощаются в символических «житиях страдальцев за народное дело» (цит. по статье [Щербинина 1997, с. 135]).

исторический момент, когда можно реально провести процесс распределения собственности, либо обходим эти ограничения и начинаем быстро продвигаться вперед» [Там же]. В своей книге Е. Гайдар нигде не обосновывает этот тезис. Почему приватизации определен «короткий момент»? Что означают туманные намеки на опасность или угрозу упустить начало приватизации? Не более чем лукавство, так как в начале 1990-х годов подавляющее большинство населения России оказывало полную и безоговорочную поддержку Б. Ельцину, и с каждым днем его власть только укреплялась. Впрочем, приведем оценку периода 1992–1994-х годов, данную известным российским политологом, доктором исторических наук Л.Ф. Шевцовой: «В тот период Б.Н. Ельцин и его группа имели решающее влияние в обществе. Демократические и либеральные идеи пользовались поддержкой многочисленных слоев. Реваншистские группы все еще были разрознены и ослаблены. Силловые структуры находились в подавленном состоянии и старались не вмешиваться в политические события. Само же общество было в этот период готово идти на жертвы во имя более устойчивого и демократического будущего. Добавим к перечисленному и наличие благоприятной международной ситуации для осуществления не только рыночных реформ, но и демократизации» [Шевцова 2006, с. 81].

Поэтому тезис Гайдара о «коротком моменте» ни в коей мере не соответствует действительности. Если процесс приватизации был бы начат на полгода, год или даже два года позже, то никакая опасность ему не угрожала. Наоборот, власть первого президента и его окружения только укреплялась. По единодушному мнению как отечественных, так и зарубежных обществоведов, даже чрезмерно. Известный американский политолог Ст. Фиш считает, что «в России в 1990-е годы было создано “сверхпрезидентство” – небывалое в мире сочетание демократических выборов и диктаторского правления, раздутая и сверхмощная исполнительная власть, не уравновешиваемая ни законодательной, ни судебной и не подотчетной им» [Fish 2001, p. 16]. Опасность для страны исходила не от недостатка, а, наоборот, от излишней концентрации власти в руках президента и его ближайшего окружения, и фактически полной ее бесконтрольности со стороны общества.

Чем же в таком случае была вызвана беспрецедентная спешка в столь кардинальном для страны социально-экономическом и политическом решении? В книге Гайдара ответов на эти вопросы нет.

Опыт постсоциалистических стран показывает, что приватизация – основной элемент перехода от одной социально-экономической формации к другой, а ее осуществление – сложный и длительный процесс. К примеру, социалистическая Польша, начавшая приватизацию задолго до наших реформаторов, до сих пор постепенно и успешно ее осуществляет, а многие крупные предприятия там и сегодня находятся в собственности государства, и не только потому, что они и так достаточно рентабельны, но также и потому, что по соображениям геэкономической безопасности они не должны находиться в частных руках [Колодко 2001, с. 67–71]. Начатая в середине 1992 г. в России массовая приватизация привела к тому, что 70% государственных предприятий были переданы частным владельцам уже к 1995 г. Российские активы оказались не у мощного клас-

са акционеров, а в руках коррумпированных директоров, чиновников и новых банкиров. Возможно, эта поспешность объясняется следующим обстоятельством. Е. Гайдар, А. Чубайс, А. Кох, П. Авен, М. Фридман, В. Бойко и другие члены правительства тогда, в 1992 г., прекрасно понимали, что, несмотря на их многозначительные намеки о неких угрозах реванша, Россия уже не вернется назад, к всеобщей государственной собственности, но при этом трезво осознавали, что время их *лично* пребывания у власти ограничено, и формирование номенклатурного капитализма или, говоря словами самого Гайдара, «реальный процесс распределения собственности» вполне может состояться и *без них*, что делало конкретно для них ситуацию действительно «безвыходной». Именно поэтому они так лихорадочно спешили с проведением приватизации. Кроме того, только в такой торопливой сумятице можно было узкой группе лиц («новой номенклатуре») безнаказанно присвоить национальные богатства огромной страны. То, что сегодня все эти «камикадзе» процветают, почти все они стали первыми российскими миллионерами, подтверждает эту гипотезу. «Предполагалось, что молодые демократы наведут в России порядок, разработают соответствующую правовую систему и дадут зеленый свет рыночной экономике, – пишет автор документальной книги о реформах в России П. Хлебников. – Вместо этого они возглавили режим, который оказался одним из самых коррумпированных в истории человечества» [Хлебников 2001, с. 14].

Здесь необходимо напомнить, что еще в конце 1980-х годов Комитет по экономической реформе Верховного Совета СССР выдвигал идею поэтапной продажи средней и крупной собственности на открытых аукционах по их действительной стоимости или передачу их в концессию, сохраняя за государством ту часть, которая является естественной монополией.

Экономические итоги приватизации, проведенной в 1990-е годы, детально проанализированы многими независимыми российскими экономистами. В таблице, составленной профессором МГИМО И.Н. Устиновым, представлены основные показатели результатов приватизации за этот период [Устинов 2001, с. 6].

Таблица 1. Итоги приватизации в России (1992–1999 гг.)

	Приватизировано предприятий (единиц)	Начальная цена (млн долл.)	Получено от приватизации		Неполучено от приватизации	
			Всего (млн долл.)	В среднем за одно предприятие (тыс. долл.)	Всего (млн долл.)	В среднем за одно предприятие (тыс. долл.)
Всего	133165	...	9250,1	69,5
Промышленность	22402	1164,5	347,2	15,5	817,3	36,5
Строительство	8110	444,9	56,8	7	388,1	47,9
Транспорт И связь	3184	68,4	49,4	15,5	19	6
Торговля, общественное питание и бытовое обслуживание	43530	505,3	453,6	10,4	51,7	1,2
Прочие объекты	55939	...	8343,1	149,1

Из 9,25 млрд долл., полученных от приватизации, в федеральный бюджет было перечислено 5,51 млрд долл. Органам, осуществившим приватизацию, т. е. различным структурам Госкомимущества, было выплачено 577,6 млн долл., что составило 10,5% от всей суммы, перечисленной в федеральный бюджет.

Цифры, приведенные в табл. 1, дают достаточно наглядное представление об экономической целесообразности способа разгосударствления собственности, примененного в России. Еще более убедительную картину дает сравнение доходов, полученных от приватизации, с аналогичными показателями в других государствах.

Таблица 2. Доходы от приватизации государственной собственности (1990–1998 гг.)

Страны	Всего		Население 1998 г. млн чел.	На душу населения	
	млн долл.	Россия = 1,0		долл.	Россия = 1,0
Россия	7 998	1,0	146,5	54,6	1,0
Бразилия	66 729	8,3	161,8	412,4	7,6
Великобритания	64 044	8,0	58,7	1092,0	20,0
Италия	63 474	7,9	57,6	1102,2	20,2
Франция	48 631	6,2	58,9	824,7	15,1
Австралия	47 954	6,0	18,7	2560,3	46,9
Япония	46 720	5,8	126,4	369,6	6,8
Испания	35 434	4,4	39,4	900,0	16,5
Аргентина	28 404	3,6	36,1	786,4	14,4
Португалия	21 023	2,6	10,0	2108,6	38,6
Венгрия	12 676	1,6	10,1	1252,8	23,0
Малайзия	10 028	1,3	22,2	452,1	8,3
Польша	8 381	1,0	38,7	217,2	4,0
Перу	7 967	1,0	24,8	320,8	5,9
Латвия	3 315*	0,4	2,5	1286,0	23,5

*Официальные данные Латвийского агентства приватизации.

Обращает на себя внимание тот факт, что даже Венгрия, где объем государственной собственности был неизмеримо меньший, чем в России, получила дохода от ее приватизации на 4,7 млрд долл., или в 1,6 раза больше, чем Россия (!). 9 сентября 1994 г. инвесторский бюллетень «Независимая стратегия» сообщил: «Большая часть основных производственных фондов России продается примерно за 5 млрд долл. Даже если считать, что в России стоимость основных средств производства равняется стоимости ее валового внутреннего продукта (в странах Запада она обычно, по крайней мере, в 2,7 раза больше), то на самом деле она составляет 350–400 млрд долл. По этой причине мы рекомендуем британским инвесторам не упустить возможности и принять участие в покупке российских предприятий» [Crime and Corruption 2000].

Еще более впечатляет сравнение доходов от приватизации в России и в Латвии. Распродав за ваучеры большую долю общенародной собственности, российское государство не получило и сотой части ее стоимости. Этот печальный вывод дополняется тем, что новые собственники оказались неэффективными.

Академик Н. Петраков считает, что «в подавляющем большинстве случаев новые хозяева эффективность частной собственности не доказали. Они просто захватили природные ресурсы и вместо государственной монополии мы получили частную. Производительность труда во всех приватизированных отраслях упала в 2–3 раза. Объемы производства до сих пор не превысили показатели советских времен. Ни модернизации, ни внедрения новой техники, ни использования передовых достижений науки – ничего этого, как правило, нет» [Комсомольская правда 2004].

К этому необходимо добавить, что обещанной структурной реорганизации промышленности не произошло. Наоборот, технологическое отставание увеличилось. «Можно ли было предполагать тогда, в начале 1990-х годов, – пишет директор института экономики РАН член-корр. РАН Р.С. Гринберг, – что после почти уже 15-летнего реформирования экономика страны не только не выйдет на качественно новый уровень по критерию диверсификации производства и доле товаров с высокой добавленной стоимостью, но, наоборот, окажется еще более примитивной, чем в позднесоветские времена» [Гринберг 2005, с. 41]. Пока Россия проводила свои реформы, даже страны третьего мира ее обошли. Россия превратилась в сырьевой придаток уже не только Запада, но и Востока. Российские реформаторы создали систему, которая исключала в качестве главной цели промышленную модернизацию и соответствующее экономическое и социальное развитие. Вся энергия и все материальные и денежные ресурсы новых собственников были направлены на финансовые махинации и казнокрадство.

На российском рынке появились автомобили из Китая, Ирана. Доля оборудования и машино-технической продукции в российском экспорте постоянно уменьшается, в 2005 г. составила 5%, а без учета стран СНГ – 3%. Россия вывозит высокотехнологической продукции в 16 раз меньше Китая и в 2 раза меньше Венгрии [Кривцов 2007]. Высокие технологии составляют в российском экспорте 0,13%, т. е. столько же, сколько у одной из самых отсталых стран Евросоюза – Португалии. Для сравнения: их доля в экспорте Латвии – 3,4%, Литвы – 3,7%, Эстонии – 6,1% [Бизнес-среда 2006].

В отличие от России государства Балтии имеют более диверсифицированную структуру экспорта, в которой высокий удельный вес составляют продукты переработки, что соответствует стандартам промышленно развитых стран.

В своей недавно вышедшей книге «Глобализация: тревожные тенденции» вице-президент Всемирного банка нобелевский лауреат Дж. Стиглиц гайдаровскую шоковую терапию называет «большевистским подходом к рыночным реформам». «По существу, – пишет он, – радикальные реформаторы прибегли к большевистским стратегическим методам, хотя и заимствовали их из других учебников... С Россией случилось худшее из возможного: невероятный спад производства и невероятный рост социального неравенства. Прогноз на будущее мрачен. Крайнее неравенство тормозит экономический рост. По степени социального неравенства Россия сравнима с латиноамериканскими обществами, которые благодаря полуфеодальному наследству считаются в этом отношении рекордсменами. Приватизация в России не только не способствовала экономическому подъему страны, но и подорвала доверие к правительству, демократии

и реформам. В результате раздачи своих природных богатств до того, как вступила в строй система налогообложения природной ренты, кучка друзей и сподвижников Б. Ельцина превратилась в миллиардеров, а государство оказалось не в состоянии выплачивать нищенские пенсии» (см. *Stiglitz* 2002, p. 154–163). Далее автор добавляет: те, кто, используя свои связи и влияние, приобрел миллиардные активы, заплатив за них ничтожную цену, заинтересован в вывозе денег за границу. Поскольку «приватизация не имела политической легитимности, к бегству капиталов подталкивала еще угроза возможного пересмотра ее результатов» [*Ibid.*, p. 159].

В отличие от России, характер и направленность приватизации в странах Балтии, так же как и в Венгрии, Польше, Чехии и других постсоциалистических странах, наоборот, исключали возможность номенклатурного присвоения государственной собственности.

Но главное, на наш взгляд, что созданная в России экономическая модель, в отличие от экономической модели стран Балтии, по существу, рыночной не является. Она по-прежнему остается распределительной. Изменились только предметы распределения. Если в советское время это были лимиты, фонды, материалы, финансы, трудовые ресурсы, которые предназначались субъектам хозяйственной деятельности в соответствии с широко обнародованными, в том числе и в СМИ, плановыми заданиями, то теперь распределяются более значимые для коммерческого успеха ценности, такие как лицензии, сертификаты, квоты, кредиты, государственные заказы, выгодные инвестиционные проекты, трансферты, налоговые и таможенные льготы, преференции и т. д. Только сейчас уже распределение происходит не открыто и всенародно, а строго конспиративно. Как метко подметил Г. Явлинский, вместо Госплана мы получили Госклан. Строго говоря, на макроэкономическом уровне никакого свободного рынка в России нет. Структура сложившейся в 1990-х годах номенклатурно-бюрократической власти никогда не позволит этого. «Основные очаги сопротивления рынку находятся за пределами производственной системы, вдали от конечного платежеспособного спроса, – справедливо заключает известный французский экономист И. Самсон. – Напротив, они близки к власти как центральной, так и региональной. Чего же не хватает России, чтобы перейти к рынку? Прежде всего – правовой регуляции... Право определяет отношения между равными – правила игры, одинаковые для всех и являющиеся предпосылками установления рыночного соглашения. Это именно то, что обычно называют конкуренцией. Но российская вертикальная организация способствует только тому, чтобы систематически избегать этого правила» [*Самсон* 1998, с. 135].

Логика российского крупного бизнеса, будь он честный или криминальный, кардинально отличается от логики предпринимателей Балтии. В России установка одинаковая: вывозить максимум возможного, ибо в стране нельзя быть уверенным в сохранении капитала. Поэтому психологические установки нового слоя собственников и предпринимателей в России отличаются от установок их балтийских коллег. Да и в целом они имеют пока еще не так много общего с аналогичными социальными группами в государствах Балтии. Здесь предприниматели не прячут деньги в оффшорах, а вкладывают капиталы в развитие своей страны.

Социально-экономическое, политическое и моральное состояние нынешней России убедительно свидетельствует, что экономические реформы 1990-х годов оказались крайне неэффективными. Никто из серьезных как российских, так и зарубежных экономистов не оправдал ни цели, ни методы их проведения. Американский историк Ст. Коэн пишет, «что десятилетие реформ на самом деле есть процесс разграбления, обнищания, демодернизации и дестабилизации России» [Коэн 2001, с. 11].

Вполне естественно, что реформаторы приводят свою аргументацию, оправдывающую эту неэффективность, – неразработанность теории, специфику России, отсутствие социальной базы, предпринимательских традиций, недостаток частного капитала, зарубежных инвестиций и т. д. Анализ всех этих аргументов показывает их несостоятельность [Симосян 2006]. Как оправдываться дальше? Да очень просто: считать, что реформы – это вовсе и не реформы. «Собственно, это не были реформы. Речь шла о жестких реанимационных мероприятиях, задача которых – предотвратить развитие событий по сценарию 1917–1918 гг. – с анархией, голодом и кровопролитной гражданской войной», – сообщает их идеолог в интервью журналу «Итоги» в канун 15-летия экономических реформ [Итоги 2006].

Так может, и приватизация тоже не приватизация?

«Анализ российской практики периода массовой приватизации, – пишет заместитель директора Института экономики РАН проф. С.П. Глинкина, – закономерно ставит вопрос о том, можно ли “разгосударствление по-российски” называть “приватизацией”, если под приватизацией понимать не акт экономической политики по передаче государственных активов в частные руки, а процесс создания условий для появления и эффективного функционирования частных капиталов» [Глинкина 2006, с. 7]. Профессору Глинкиной вполне можно довериться, так как она долгие годы специализируется на изучении переходных процессов в социалистических странах Восточной и Центральной Европы. Действительно, по сравнению с приватизацией, которая проходила в этих странах, как и в странах Балтии, то, что случилось в первой половине 1990-х годов в России, вряд ли можно назвать приватизацией. Эти события заслуживают более точного определения, что, впрочем, российское общественное мнение давно уже сделало.

Итог политической деятельности главы государства или главы правительства абсолютно естествен и прост – благополучие его народа. Поэтому вряд ли нужны какие-то специальные научные диспуты, чтобы оценить, например, президентство Р. Рейгана в США, Дэн Сяопина в КНР или Б. Ельцина в России. Здесь ничем прикрыться невозможно. Критерии очевидны, как в футболе: счет на табло. Поэтому следует полностью согласиться с Р. Гринбергом, который считает что: «Разочаровывающие итоги системной трансформации в России преимущественно рукотворны и лишь во вторую очередь предопределены специфическими условиями» [Гринберг 2004]. К этому можно добавить, что навязчивое педалирование «российской специфики» современными отечественными политиками и некоторыми экономистами, не только неверно по существу, но является проявлением неуважения к другим большим и малым народам. Эта

позиция в неявном виде предполагает, что другие этносы – китайцы, французы, немцы, японцы, индийцы, эстонцы или вообще не имеют своей специфики или их специфика не может быть равноценна нашей.

Уже восемь лет Россия живет в условиях необычайно благоприятной для нее мировой конъюнктуры цен. В темпах нынешнего роста ВВП было бы несправедливо усматривать заслугу реформаторов – на 75–80% это следствие мировых цен на сырье и энергоресурсы, а на 20–25% – результат адаптации российских предпринимателей, в первую очередь представителей малого бизнеса, к новым условиям, точнее, к условиям существования в неблагоприятной, агрессивной среде.

Российский народ, имеющий беспрецедентный исторический опыт приспосабливаться к любым, даже самым неблагоприятным условиям для выживания, постепенно освоился и с новой системой. Появились и набрали ход внутренние процессы ее саморегулирования. Напомним, что только благодаря этой общественной самоорганизации социалистическая система хозяйствования смогла функционировать последние пятнадцать-двадцать лет, ибо вопреки официальному государственному плановому производству и распределению в СССР происходила низовая стихийная самоорганизация, включая и производство, и распределение.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на дождь нефтедолларов, осыпающий Россию, уровень благосостояния россиян намного ниже жителей Балтии, и этот разрыв продолжает увеличиваться [Симолян 2005, с. 421–425].

Социальное расслоение – естественное следствие перехода от социалистической к рыночной экономике, оно сопровождает процессы трансформации как в России, так и в странах Балтии. Но масштабы социальной поляризации в России оказались чрезмерными по сравнению с нашими соседями. В Эстонии на десять процентов самых бедных граждан приходится 6,9% расходов на медицинские услуги, а на десять самых богатых – 22,1% [Eesti Statistika 2006, p. 161–162]. В России же, по расчетам директора Института социально-экономических проблем народонаселения член-корр. РАН проф. Н.М. Римашевской, на долю первых приходится 0,8%, а на долю вторых почти половина – 48,4% расходов на медицинские услуги. По ее мнению, наше общество втягивается в глубокую «социальную воронку» и, чтобы выбраться из нее, потребуется не одно поколение. В результате «шоковой терапии» проблема бедности как самостоятельная исчезает, замещаясь проблемой жизненного уровня населения в целом. Бедной становится страна в целом [Римашевская 2003].

Потребление основных продуктов питания на среднюю зарплату в странах Балтии превзошли уровень 1988 г. в Латвии в 2004 г., в Литве в 2003 г., в Эстонии в 2002 г. [Бизнес & Балтия 2005].

Данные Госкомстата за I квартал 2005 г. по покупательной способности средней зарплаты – 7493 руб. – позволяют, несмотря на очевидную завышенность этого статистического показателя, оценить результаты экономических реформ (в 1988 г. средняя зарплата составляла 233, 2 руб.)

Таблица 3. Сколько продуктов первой необходимости можно было приобрести на среднюю месячную зарплату в 1988 г. и в первом квартале 2005 г.

	1988	2005
Говядина	94 кг	73,8 кг
Свинина	96,7 кг	64,1 кг
Рыба и рыбопродукты	151,5 кг.	48,9 кг
молоко цельное	863,7 л.	468,3 л.
Сметана	196 кг	123 кг.
хлеб пшеничный	598 кг	354 кг.
хлеб ржаной и прочий	1110 кг	512 кг
Картофель	1227 кг	792 кг
Капуста	1295 кг	732,5 кг
Морковь	972 кг	607 кг
Водка	14,5 л	53,7 л.

Источник: [Труд, 11.05.2005].

То есть даже по официальным данным спустя 13 лет после гайдаровских реформ водки можно купить на среднюю зарплату в 4 раза больше, а молока, мяса и рыбы в 2–3 раза меньше. Еще более впечатляюще выглядит разница в покупательной способности средней зарплаты на селе:

Таблица 4. Покупательная способность средней зарплаты на селе

	1988	2005
Говядина	70,8 кг	28,9 кг
Свинина	67,2 кг	25,1 кг
Рыба и рыбопродукты	106,4 кг	21,7 кг
Молоко цельное	871,3 л	183,4 л.
Сметана	156,5 кг	50,1 кг
Хлеб пшеничный	668 кг	135 кг
Хлеб ржаной и прочий	1002 кг	201 кг
Картофель	607,3 кг	310,3 кг
Морковь	455,5 кг	327,8 кг

Источник: См. [Там же]: По тем же данным Госкомстата России, численность бедных с доходами ниже прожиточного минимума увеличилась с 8,5 млн в 1988 г. человек до 26,5 млн человек в 2005 г.

В России розничные цены на предметы первой необходимости непрерывно повышаются, рост цен на продукты питания намного опережает рост заработной платы, поэтому количество бедных увеличивается. В 2001 г. инфляция, даже если верить официальным данным Госкомстата, составила 18,6%, и в 2002 г. –14,2%, в 2003 г. – 12,2%, в 2004 г. – 11,7%, в 2005 – 10,9%, хотя международные эксперты дают другую цифру – 16% [Независимая газета 2006], которая, представляется, более близкой к реальности. Вот характерный пример: к 1 августа 2006 г. цены на продовольствие в России с начала года, как сообщил Росстат, выросли на 8%. На самом деле – это показала проведенная группой независимых экспертов проверка – рост составил 12–13% [Новые известия

2006]. В 2006 г. правительству было указано, чтобы инфляция не превышала 10%, и она была зафиксирована на уровне 9%. В России по официальным данным Госкомстата РФ, потребительские цены только за пять лет с 1999 по 2003 гг. выросли более чем на 100% [Лишь бы не было богатых 2004] (реально гораздо больше). Оплата жилищно-коммунальных услуг увеличилась только за период с 2000 по 2004 г. в 5,7 раза [Экономическая газета 2004].

В странах Балтии цены на основные продукты питания (хлеб, мясные, рыбные, молочные и кондитерские изделия, овощи, крупы, фрукты) в течение 1995–2004 гг. практически не менялись, а инфляция в тот же период была на уровне средневропейской – 1–3% [Бизнес-среда 2004], (в Литве в 2003 г. инфляции не было, наоборот, зафиксирована дефляция, т. е. увеличение покупательной способности лита на полтора процента). Понемногу расти инфляция стала, как это и прогнозировалось, с 2005 г., после вступления стран Балтии в Евросоюз. В 2006 г. в Латвии она составила 6,2 %, в Эстонии – 4,1%, а в Литве – 3%.

В июле 2006 г. средняя зарплата в России составила по официальным данным 9397 тыс. рублей (358 долларов). Но, как показывают социологические исследования, этот статистический показатель у нас постоянно завышается. По данным ВЦИОМ, не менее чем на 8–9% [Мониторинг общественного мнения 2002]. В сфере здравоохранения, образования, науки и культуры средняя оплата труда составляет соответственно всего 63%, 67%, 62% и 58% от средней по стране [Там же].

Статистический показатель средней заработной платы не отражает реального положения в России с оплатой труда, так как сформировался за счет сверхвысокой оплаты труда чиновников в федеральной и региональных бюрократических структурах, в топливном, банковском, никелевом, алюминиевом, фармацевтическом, страховом, туристическом и подобном высокодоходном бизнесе, доля которых в общем количестве занятых не превышает 20–22% от общего числа занятых. Заработная плата остальных 78–80%, куда входят занятые в машиностроении, сельском хозяйстве, строительстве, образовании, здравоохранении, науке, культуре редко выходит за пределы 200 долл. [Итоги 2002, с. 34–35]. Этот показатель наполняется реальным содержанием только в том случае, когда есть мощный средний социальный слой, на который обычно приходится не менее 70% выплат, а не несколько десятков миллиардеров, прибыли которых искажают общую картину. В настоящее же время в России менее 10% населения поглощают половину всех выплат. Указанный показатель, отмечает член-корр. РАН Р. Гринберг, ничего не дает так как «в стране по-прежнему сохраняется ужасающая поляризация личных доходов, которая возникла уже в 1992–1993 гг.» [Гринберг 2004, с. 103]. По коэффициентам GINI (соотношение доходов, зарабатываемых 20% самой обеспеченной частью населения и 20% – самой бедной) и GIRI (он изменяется от нуля, что означает полное равенство доходов всех жителей, до 100, что означает присвоение всех доходов одним человеком) в общем перечне государств балтийские республики занимают места, близкие к странам с минимальным неравенством (Чехия, Австрия, Норвегия, Дания, Финляндия, Венгрия, Швеция). В то время как Россия в этом списке расположена

ближе к Аргентине, Колумбии, Нигерии, и пропасть между доходами богатых и бедных возрастает.

В странах Балтии намного выше российского средний уровень оплаты труда. В июле 2006 г. в Эстонии средняя заработная плата составила 700 долл. США. И эта цифра более реально отражает действительность, так как она наполняется нормальной обеспеченностью средних слоев, которые составляют около половины населения, а не суперзаработками социальной верхушки. Но от статистики лучше перейти к повседневности. Вот типичный пример. Известно, что в Балтии, как и в России самая неблагополучная в материальном отношении группа – одинокие пенсионеры. Минимальная пенсия в Эстонии составляет 3 тыс. крон. (1 крона = 2,2 рубля). Оплата всех коммунальных услуг двухкомнатной 40-метровой квартиры в девятиэтажном стандартном доме в Таллинне стоит одну тысячу крон. На прочие нужды остается 2 тыс. крон (т. е. 4,4 тыс. руб.). В Москве со всеми добавками городского правительства минимальная пенсия равна 3,2 тыс. рублей. Оплата аналогичной квартиры составляет не менее 1,0 тыс. руб. (при несравнимо более низком качестве коммунальных услуг). Остается 2,2 тыс. руб., т. е. в два раза меньше. Если учесть, что пенсионеры Таллинна пользуются такими же льготами на городском и пригородном транспорте, а продукты первой необходимости в Таллинне на 15–25% дешевле, чем в Москве, то разница представляется достаточно убедительной.

Нынешнему русскому жителю Риги, Вильнюса или Таллинна трудно даже представить себе низкое качество коммунальных услуг и крайнюю неэффективность погрязшего во взяточничестве чиновничьего аппарата бесконечных ЖЭКов, РЭУ, ДЕЗов, районных управ, муниципальных советов, префектур и многочисленных городских комиссий и коммерческих дочерних организаций при них, непомерно расплодившихся за последние 15 лет в городах России. И при этом грязные подъезды, убогие дворы, протекающие крыши, снежные завалы зимой, приводящие к многочисленным случаям травматизма пешеходов, ущербные тепло-, водо- и электросети, которые не ремонтировались с брежневских времен, потому что деньги, которые опускались на это, немедленно разворывались. Стремительный рост стоимости жилищно-коммунальных услуг никак не влияет на их качество. Масштабные отключения воды и электричества из-за частых аварий, да еще и в зимнее время – ситуация, которую трудно представить сегодня жителям Балтии. Здесь немыслима ситуация, когда доведенное ими до полного развала жилищно-коммунальное хозяйство чиновники перекладывают на плечи самих горожан, а именно в этом суть проводимой реформы ЖКХ. И уж совсем фантастической им представляется типичная для сегодняшней Москвы ситуация, когда рядом с жилым домом в нарушение всех градостроительных и санитарных норм вырастает высотный корпус, застилая весь белый свет, и против этого произвола люди совершенно бессильны.

Если какие-то сомнения могли быть в середине 1990-х годов, то сегодня расширяющаяся в России пропасть между населением и правящей верхушкой очевидна не только для самих россиян, но и для российской диаспоры в странах Балтии. Уровень отчуждения между рядовым гражданином и государством выражается в различных индикаторах. Один из основных – ожидание помощи от

государства в критической ситуации. Опросы социологов стран Балтии свидетельствуют о том, что на помощь государства в трудный момент рассчитывают 9,8% респондентов в Латвии, 10,7% в Эстонии и 12,7% в Литве. В России рассчитывающих на аналогичную помощь всего 4,1% [Социология власти 2002, с. 14].

Внимательное знакомство с цитируемой книгой Е. Гайдара позволяет сделать вывод, что идеолог приватизации в России все же не может не признать, что проведенная таким способом, она нанесла огромный ущерб государственным интересам, но, тем не менее, является убежденным противником исправления содеянного: «Не национализировать же назад то, что наконец-то стало “своим”, не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распахать [именно так в тексте. – Р. С.] по карманам» [Гайдар 1995, с. 193].

Эта фраза является ключевой для понимания тех принципиальных различий, которые разделяют приватизацию в России и приватизацию в странах Балтии. В ней, по существу, в откровенной форме отражено социально-этическое кредо российских реформаторов. Если целью экономических реформ в странах Балтии, так же как и в странах Центральной и Восточной Европы, было освобождение от жесткого государственного регламентирования и контроля в целях социально-экономического развития общества, то итогом экономической реформации в России было полное освобождение от какого-либо общественного регламентирования и контроля за финансовыми спекуляциями узкой группы лиц. Характерно, что в отличие от начала 1990-х годов, когда реформаторы усиленно подавали в СМИ предстоящую приватизацию как способ равного доступа всех россиян к государственной собственности, сегодня, когда «распаханному по карманам» уже ничего не угрожает, никто из них даже не упоминает об этом. «Массированный передел беспрецедентной по масштабам собственности, – отмечал Н. Косолапов, – искушение молниеносно сколачиваемыми колоссальными для России состояниями, отсутствие современного развитого рынка и систем его обеспечения выдвигали на первое место спекулятивный сектор, максимально прибыльный на операциях со свободно конвертируемой валютой, играющей на понижении рубля и повышении доллара» [Косолапов 2001, с. 23].

Если страны Балтии добились значительных успехов в переходном периоде от планово-распределительной к открытой, либеральной экономике, заложили основу современного хозяйства, включились в общеевропейский рынок, то реформы в России не только не приблизили, но и еще дальше отодвинули ее от среднего мирового стандарта – отбросили с 20–30-х на 60–80-е места по уровню и качеству жизни. Осознание этого факта понизило в глазах россиян престиж переходного режима до нулевой отметки.

Но есть и еще одно весьма существенное различие между Россией и странами Балтии. Оно весьма показательно, поэтому стоит его рассмотреть подробнее. Известно, что совокупный доход является функцией трех основных факторов производства – труда наемных работников, капитала и ренты (дохода от использования земли, территории страны, ее природных ресурсов). В отличие от многих других стран, в том числе и от стран Балтии, основной вклад в прирост нераспределенной (чистой) народнохозяйственной прибыли России вносит

не труд и даже не капитал, а именно рента. На ее долю приходится не менее 75% чистой прибыли. Иначе говоря, почти все, что получает сегодня Россия, есть не что иное, как рента от использования природно-ресурсного потенциала. Но, справедливо замечает академик Д. Львов, «рентный доход не является “делом рук человеческих”. Его главная составляющая – природная рента, не является результатом непосредственной предпринимательской деятельности, коммерческих рисков и т. д. Поэтому в демократических странах она находится в руках государства. Зачем же российские реформаторы природную ренту передали в частные руки? Затем, что действующий в России экономический механизм позволяет этот доход аккумулировать в руках узкой по своей численности окол властной финансовой верхушки. В результате более 90% населения страны лишены доступа к природному общественному благу» [Львов 2004, с. 27]. Природная рента, а проще говоря, доход за использование недр и полезных ископаемых, во всем мире принадлежит государству. В России же некоторая часть этих средств изымается путем обычных налогов. Но значительная доля сверхприбыли остается в распоряжении частных лиц, и государство практически никак не участвует в ее распределении. На сегодняшний день в России рентных платежей, кроме экспортной пошлины, не существует. Таким образом, различные цели, поставленные реформаторами в России и в странах Балтии, объективировали создание соответствующих механизмов, необходимых для их реализации.

Страны Балтии за прошедшие 15 лет сумели решить важнейшую социально-политическую задачу перехода от советского к демократическому обществу: они реально осуществили разделение властей. Это не только позволило избежать криминальной приватизации, но и заложило фундамент гражданского общества. К сожалению, этого не смогла сделать Россия. У нас разделение властей имеет формальный, декларативный характер, что во многом определило все ее нынешние беды. Нынешний президент России вынужден был недавно публично заявить о продажности и несамостоятельности российских судей [Известия 2005]. В этой связи уместно напомнить формулу разделения властей, которую наиболее определенно выразил Ш.-Л. Монтескье в следующих словах: «Все погибло бы, если в одном и том же лице или учреждении... были соединены три власти: власть создавать законы, власть приводить постановления общегосударственного характера и власть судить преступников и тяжбы частных лиц» [Монтескье 1999, с. 117].

Ни в одной из стран Балтии приватизация не вызвала такого всеобщего неприятия, какое имело место в России. Многочисленные исследования показывают, что подавляющее большинство населения России не воспринимает проведенную в стране приватизацию ни как законную, ни как эффективную. Исследования общественного мнения свидетельствуют, что у населения России реакция отторжения экономических реформ 1990-х годов вербализируется в следующей формуле: «Не хотим мы такой демократии, которая преступникам и вора открывает путь к власти, не хотим мы такой рыночной экономики, при которой миллиарды долларов отправляются за пределы страны, а нам платят нищенские пенсии» [Шаповал 2001]. А отсюда отношение к частной собствен-

ности. Этнических русских в странах Балтии около 1,5 млн. Отношение к преуспевающей части населения у них такое же, как и у представителей титульных этносов: собственность священна и неприкосновенна. Уважение к частной собственности – важнейшее условие построения гражданского общества. Если его нет, необходимо воспитать. Но как можно требовать уважения к краденному? А именно так сегодня воспринимает большинство наших соотечественников капиталы, возникшие в 1990-х годах. И вряд ли кто-нибудь их сможет переубедить. Российские реформаторы сделали все, чтобы понятие «частная собственность» в течение многих-многих лет вызывало у людей в лучшем случае подозрительное, а в худшем агрессивное отношение.

Проживший долгие годы в России американский писатель Д. Саттер в своей книге «Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России» пишет: «Прежде всего, новая система характеризовалась взяточничеством. Победители в этой гонке получали возможность купить услуги большого числа правительственных чиновников, что приводило к тому, что с ростом системы росли и взятки. Помимо взяточничества новая система также характеризовалась организованным насилием. К бандитам относились как к обычным экономическим деятелям [т. е. как в 1930-х годах в СССР к «социально близким». – *Р. С.*], и такая политика узаконивала их преступную деятельность. Кроме того, новая система основывалась на воровстве. Деньги, полученные в результате криминальной деятельности, нелегально переправлялись за границу во избежание их конфискации в будущем. Эта утечка средств лишала Россию десятков миллиардов долларов, необходимых для ее развития» [Саттер 2006]. Российский социолог А. Неццадин считает, что «гайдаровским правительством по сути дела было простимулировано создание коррумпированного государства» [Неццадин 2003].

То, что происходило в России в 1990-е годы, нарастающим валом вызывало в общественном мнении негативное, точнее сказать, даже враждебное отношение и к ценностям свободы, и к самому понятию «демократия». Либеральная идея оказалась настолько скомпрометированной в общественном сознании населения нашей страны, что уже к концу 1990-х годов масштаб всеобщего неприятия либеральных и демократических ценностей создал реальные предпосылки для возврата к авторитарному режиму. Общество, разграбленное и развращенное, «взглянуло окрест себя» и душа его переполнилась, нет, не страданием, как у Радищева, но неукротимым желанием «твердой руки». Дискредитация демократии, которая стала в массовом сознании синонимом воровства и коррупции, и создание реальных предпосылок к авторитаризму – главный общественно-политический итог деятельности российских реформаторов в 1990-х годах. В конце 1980-х годов в российском обществе крепла уверенность, что никогда не вернемся к Сталину. Увы, сегодня он в России снова востребован, и, судя по всему, надолго. В этом историческая вина реформаторов 1990-х годов и перед российским народом, и перед российским государством. Нынешнее свертывание демократических свобод, насаждение элементов тоталитарного режима – прямое следствие деятельности реформаторов 1990-х годов. Поэтому тенденции сползания к полицейскому государству, характерные для нынешней власти, являются логичным итогом прошедшего десятилетия. Следует, как это

ни досадно, честно признать, что антидемократические ориентации и установки нынешней власти сегодня вполне отвечают потребностям значительной части общества. Популярная в конце 1980-х годов сентенция И. Бродского – «мне вор милее кровопийцы» – уже к середине 1990-х годов утратила привлекательность. Общество возжаждало кровопийцу: уж больно вор одолел. А беспрецедентное давление на общественное сознание и подтасовка итогов выборов президента в 1996 г., осуществленное тогда российской властью (теперь даже некоторые олигархи, финансировавшие первый российский опыт так называемых политехнологий, начинают каяться в этом), круто изменили вектор политического развития страны. Сейчас общество пожинает плоды, посеянные и взращенные реформаторами 1990-х годов. Нынешняя паразитирующая политическая надстройка логически безупречно завершает созданный в России в 1990-х годах экономический базис.

Если в странах Балтии общество постепенно консолидируется, то в России в результате реформ отчуждение населения от власти, характерное для тоталитарного режима, было не только не преодолено, но стало более значительным. «Как человек, который с 1990 г. участвует в государственном управлении в России, – свидетельствует директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук М. Делягин, – могу сказать, что за 7 лет наши демократы оторвались от основной массы населения гораздо сильнее, чем коммунисты за прошедшие 70 лет!» [Капиталист 2004, с. 6].

В Латвии, Литве и Эстонии на всех этапах экономических реформ высокопоставленные правительственные чиновники, подчас даже конкурируя друг перед другом, постоянно стремились разъяснять населению задачи по решению тех или иных возникших проблем, предупреждать о трудностях, обсуждать сложившуюся ситуацию, словом, давать информацию. В России огромное большинство населения находилось в неведении и о реальных процессах, происходящих в стране, и о планах и действиях членов правительства.

Разумеется, реформаторам нельзя было открыто декларировать в качестве цели экономических преобразований создание в России номенклатурного капитализма. Нужна была отвлекающая идеология (вроде справедливого распределения национальных богатств) и соответствующая ей риторика. В отличие от примитивной советской пропаганды были использованы более эффективные методы. В качестве характерного примера можно указать на образ, долго эксплуатируемый в российских СМИ – «через пропасть невозможно перепрыгнуть в два прыжка». Пропаганда этого образа должна была внедрить в общественное сознание россиян ту мысль, что реформы следует приводить в максимально быстром темпе. Обман заключался в том, что этот действительно весьма выразительный и психологически эффектный пропагандистский образ был неверен по существу. «Люди и страны не козы. И не должны прыгать через пропасти. Нормальные люди строят через них мосты», – резонно заметили тогда по этому поводу петербургские социологи А. Бороноев и П. Смирнов [Бороноев, Смирнов 2001, с. 84]. Но любое движение мысли в сторону обоснованности, постепенности, прагматичности реформ резко пресекалось обвинениями в консерватизме, в стремлении к возврату старых порядков.

Самый большой обман был облечен в форму так называемой ваучерной приватизации, в результате которой каждый обладатель ваучера должен был стать, как это убедительно декларировалось идеологами реформ, совладельцем части государственной собственности². Именно этот обман, не материальный, а идеологический, не может простить реформаторам население России. Участники миллионных митингов конца 1980 – начала 1990-х годов получили слишком горький и болезненный урок своей политической активности. Они надолго его усвоили. Сознание того, что они собственными руками и голосами привели к власти правящую в 1990-х годах верхушку, обусловило их глубокую политическую индифферентность. Настроения социального безразличия доминируют сегодня в нашей стране. Утрата каких-либо форм социальной солидарности, социальное разобщение, атомизация общества – еще один результат реформ. Социальный пессимизм и апатия, господствующие в нынешней России, своим источником обязаны не столько ограблению населения, сколько этому обману. Для сознания русского человека духовно-нравственная ценность традиционно более значимая категория, чем материальная.

Это в решающей степени породило различия в характере экономических и политических отношений, сложившихся в последнее десятилетие в России и странах Балтии, тех отношений, которые и составляют основу социальной структуры общества. «Многое из того, что наблюдается сегодня в России, – пишет один из ведущих европейских экспертов, директор Института экономики переходного периода при Центральном банке Финляндии П. Сутела, – мы видели до этого в таких странах, как Венесуэла и Индонезия» [Сутела 2003].

Реформы, проведенные в России и в странах Балтии, принесли различные, а во многом даже контрастные, общественно-политические и социально-экономические результаты. Если для государств Балтии трансформация оказалась в целом и логичной, и плодотворной, то для России такой оценки, к сожалению, дать нельзя. Если социальные издержки, понесенные государствами Балтии в 1990-е годы в экономическом и политическом плане, оказались оправданными, то для России итог этих 15 лет оказался иным. Россия заплатила непомерную социальную цену (тридцать миллионов за чертой бедности, беспрецедентная для цивилизованного общества поляризация населения по доходам, сотни тысяч беспризорных детей, вымирание населения, бегство из страны высококвалифицированных специалистов, разгул преступности, всеобщая коррупция, ставшая элементом государственного механизма, и т. д.) за крайне неэффективную экономическую систему. Драматизм нынешней ситуации заключается в том, что экономическая модель, созданная российскими реформаторами в первой половине 1990-х годов, может быть, и, по-видимому, будет законсервирована на многие годы. Во всяком случае, кроме деклараций о том, что нужно переломить сложившиеся тенденции, реальных попыток не видно. Да и слишком мало общественных сил, чтобы преодолеть набравшую мощную инерцию.

² «Ваучеры – оценка многолетнего труда, продавались бойким молодцам в условиях гиперинфляции по цене бутылки водки», – пишет эстонский академик М. Бронштейн [Бронштейн 2000, с. 140].

Итак, сравнительный анализ показывает, что исторический шанс, представившийся в начале 1990-х годов создать цивилизованный рыночный механизм и заложить основы гражданского общества, страны Балтии использовали достаточно эффективно. Разумеется, это было осуществлено с учетом особенностей каждой из трех республик. Приходится лишь повторить с сожалением, что в России этот шанс был упущен.

Тем, кто проводил в России экономические реформы, кто осуществлял приватизацию, кто пользовался ее результатами, чрезвычайно важно, чтобы ни интеллигенция, ни тем более так называемый электорат ничего не узнали ни о том, как осуществлялись подобные экономические реформы в странах Балтии, Восточной и Центральной Европы, ни об их результатах. Новой политической номенклатуре, новым хозяевам России очень важно, чтобы в общественном сознании сформировалась и укрепилась мысль о безальтернативности проведенных реформ. До тех пор, пока в России не будут знать, как проводились реформы в этих странах и, прежде всего, как проводилась там приватизация, каковы ее практические результаты, как там живут простые люди, до тех пор, пока российское общество будут держать в неведении о новой жизни в этих странах, в общественном сознании россиян будет сохраняться фаталистическое восприятие всех бед и пороков современной России. Те, кто внедряет в общественное сознание представление о том, что коррупция, бедность, криминализация, детская беспризорность, ухудшение здоровья и вымирание нации являются неизбежной платой за переход от планово-распределительной экономики, что другого пути не было, разумеется, будут препятствовать доступу объективной информации о наших прибалтийских соседях.

Литература

- Бизнес & Балтия, 16.03.2005
Бизнес-среда. Таллинн, 14.06.2006.
Бизнес-среда. Таллинн, 11.02.2004.
Бороноев А.О., Смирнов П.И. Россия и русские. Характер народа и судьбы страны. СПб.: Аграф, 2001.
Бронштейн М. Поиски путей реформирования системы // Таллинн. 2000. № 19–20.
Гайдар Е. Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995.
Глинкина С.П. Приватизация: концепции, реализация, эффективность. М.: Наука, 2006.
Гринберг Р. Место и шансы России в мировой экономике // Проблемы теории и практики управления. 2005. № 5.
Гринберг Р. Философия кубышки. Российская экономика: промежуточные итоги // Свободная мысль-XXI. 2004. № 4.
Гринберг Р.С. Россия: экономический успех без развития демократии // Тетради международного университета в Москве. 2004. № 3.
Известия. 24.06.2005.
Итоги. 30 октября 2006 г. Интервью Е. Гайдара.
Итоги. М., 2002. № 17.
Капиталист. 2004. № 9 (77).

- Колодко Г.* Глобализация и намерстывание. От экономического спада к экономическому росту в странах с переходной экономикой // Постсоциалистические страны в условиях глобализации. Сб. материалов межд. научн. конф. М.: ИМЭПИ, 2001.
- Комсомольская правда. 12.12.2004.
- Косолапов Н.* Становление субъекта российской внешней политики // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1–2.
- Коэн С.* Провал Крестового похода США и трагедия посткоммунистической России. М.: Ладомир, 2001.
- Кривцов А.* Риски технологического захолустья // Единая Россия. 15.01.2007.
- Лишь бы не было богатых. Известия. 22.01.2004.
- Львов Д.С.* Россия и современный мир // Постсоциалистические страны в условиях глобализации. М., 2001.
- Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. М., 2002. № 4.
- Монтескье Ш.-Л.* О духе законов. Антология мировой правовой мысли. М., 1999. Т. 3.
- Независимая газета, 15.02.06
- Нецадин А.* Социальные последствия российских реформ // Социально-экономические модели в современном мире и путь России. Трансформация постсоциалистического общества. Книга 1. М.: Эксмо, 2003.
- Новые известия. 12.09.06.
- Римашевская Н.М.* Человек и реформы: секреты выживания. М.: РИЦ ИСЭПН, 2003
- Самсон И.* Придет ли Россия к рыночной экономике? // Вопросы экономики. 1998. № 8.
- Саттер Д.* Тьма на рассвете. Возникновение криминального государства в России. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2006.
- Симонян Р.Х.* 15 лет спустя: итоги экономических реформ // Свободная мысль. 2006. № 7–8.
- Симонян Р.Х.* Реформы в России 1990-х годов: об аргументах «за» // Социологические исследования. 2006. № 6.
- Симонян Р.Х.* Россия и страны Балтии. М.: Academia, 2005.
- Социология власти. Информационно-аналитический бюллетень. М.: Издательство РАГС, 2002. № 4.
- Сутела П.* Экономическое пространство Региона Балтийского моря: видение или иллюзия // Повестка дня Региона Балтийского моря. 2003. № 1.
- Труд, 11.05.2005.
- Устинов И.* Приватизация по-российски // Независимая газета. 17.04.2001.
- Хлебников П.* Крестный отец Кремля Борис Березовский, или История разграбления России. М.: Детектив-Пресс, 2001.
- Шаповал С.* Момент истины // Независимая газета. 28.06.2001.
- Шевцова Л.Ф.* Дилеммы посткоммунистического общества // Политические исследования. 2006. № 5.
- Щербинина Н.И.* Архаика в российской политической культуре // Политические исследования. 1997. № 5.
- Экономическая газета. 23.12.2004.
- Crime and Corruption // The New Russia: Transition Gine Awry / Ed. by L.R. Klein, M. Pomer. Stanford: Stanford University Press, 2000.
- Eesti Statistika Aastaramaat 2006. Tallinn, 2006, p. 161-162
- Fish M.S.* When Mone Is Less Superexecutive Power and Political Underdevelopment in Russia // Russia in the New Century: Stability or Disorder? / Ed. by V.E. Bonnel, G.W. Breslauer. Boulder, Colo; Oxford, UK: Westview Press, 2001.
- Stiglitz J.E.* Globalization and its Discontents. New York; London: W.W. Norton & Company, 2002.